



Судьба отдельных женских монашеских общин Юга России после революции 1917 г.

Агеев Е. А.

В статье дается обзор истории некоторых женских монастырей на Юге России в первые послереволюционные годы. Делается вывод об организационной и экономической устойчивости общин. Разрушение монастырских хозяйств и самих монашеских общин произошло в результате целенаправленных усилий местных органов советской власти, а иногда и прямых репрессий. Тем не менее, отдельные группы монахинь во многих местах продолжали свою религиозную жизнь и влияние на население вплоть до 1980-х гг. Феномен женских монашеских общин в России в XX в. требует дальнейшего всестороннего изучения.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, женские монастыри, закрытие монастырей, репрессии, женские общины, советское время, приходская жизнь.

Отношения и деятельность: не оказывает влияния на представленный материал.

Агеев Евгений Анатольевич — священник, кандидат теологии, секретарь Комиссии по канонизации святых Урюпинской епархии. Область научных интересов: история Церкви XX в., церковное краеведение. Волгоград, Россия.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): euageev@gmail.com

Рукопись получена 03.05.2022

Рецензия получена 20.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022



Для цитирования: Агеев Е. А. Судьба отдельных женских монашеских общин Юга России после революции 1917 г. *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(2):126-136. doi:10.15829/2686-973X-2022-104. EDN TQGVCO

The destiny of several female monastic communities in the South of Russia after the Revolution of 1917

Evgeniy A. Ageev

The article provides an overview of the history of some women's monasteries in the South of Russia in the first post-revolutionary years. The conclusion is made about the organizational and economic stability of the women's communities. The destruction of the monastic households and the nun's communities themselves occurred as a result of the targeted efforts of local Soviet authorities, and sometimes even direct repression. However, separate groups of nuns in many places continued their religious life and influence on the population until the 1980s. The phenomenon of women's monastic communities in Russia in the 20th century requires further comprehensive study.

Keywords: Russian Orthodox Church, women's convents, closure of monasteries, repressions, women's religious communities, Soviet times, parish life.

Relationships and Activities: none.

Evgeniy A. Ageev — priest, PhD in Theology, Commission for the canonization of Saints, Diocese of Uryupinsk. Area of scientific interests: history of Russian Orthodox Church in XX century, local Church history. Volgograd, Russia.

Corresponding author: euageev@gmail.com

Received: 03.05.2022

Revision Received: 20.05.2022

Accepted: 06.06.2022

For citation: Evgeniy A. Ageev. The destiny of individual female monastic communities in the South of Russia after the Revolution of 1917. *Russian Journal of Church History*. 2022;3(2):126-136. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2022-104. EDN TQGVCO

После крестьянской реформы 1860-х гг. в Российской империи значительно увеличилась численность женских монастырей. Во многих местах женские обители спонтанно и за относительно короткие сроки достигали значительного развития как в хозяйственном, так и в духовном отношении. Можно привести много примеров как городских, так и сельских женских монастырей, возникших в указанное время по всей Российской империи, но для рассмотрения возьмем монастыри севера Донской и юга и запада Саратовской епархий, как ранее исследованные автором. На территории Донской епархии (Область войска Донского) в описываемое время это был Спасо-Преображенский монастырь вблизи станицы Усть-Медведицкой, а в Саратовской епархии возник целый ряд новых женских общин, среди которых Покровская в городе Балашове и Ахтырская в селе Гусёвке. Целью этой работы является общее рассмотрение жизни указанных монашеских общин в послереволюционные годы, сравнение процессов их закрытия и проблема их устойчивости в условиях гонений со стороны советской власти.

Историография этих монастырей в основном представлена работами местных историков и краеведов последних десятилетий XIX в., например, донского церковного историка А. Кириллова, собравшего сведения о часовнях, церквях и монастырях на Дону [Кириллов 1909]. Через несколько лет была издана книга игум. Арсения “Путь немечтательного делания”, которая включила ее жизнеописание вместе с историей монастыря [Арсения 1912]. Книга неоднократно переиздавалась. В том же году в Камышине было издано жизнеописание устроительницы Гусёвского Ахтырского монастыря Е. Н. Годейн, также включившее историю молодой обители [Соловьев 1912]. На этом дореволюционная историография исчерпывается, и последующие публикации стали появляться уже в XXI в. Если опустить многочисленные газетные публикации в региональной и местной прессе, то первым серьезным исследованием стала работа игум. Елисея (Фомкина) при участии П. Дронова, С. Иванова, В. Ярмаковича “Святые обители. Монастыри Волгоградской епархии”, в которой с использованием широкого круга архивных источников рассказано об истории монастырей [Елисей 2008]. В его работе остались лакуны как в отношении неко-

торых монастырей, так и в отношении отдельных периодов их истории, особенно послереволюционной. Эти пробелы постепенно заполнялись последующими публикациями того же автора в сотрудничестве со свящ. Е. Агеевым [Елисей, Агеев 2016]. В монографии свящ. Е. Агеева “Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный период 1917-1930 гг.” послереволюционной истории Усть-Медведицкого монастыря посвящен отдельный параграф [Агеев 2019]. Под редакцией ректора Волгоградского госуниверситета М. М. Загорулько был издан сборник документов по истории религиозных организаций при советской власти, который ввел в научный оборот множество документов, открывающих послереволюционную судьбу женских обителей [Загорулько 1998]. Такие документы были использованы в работе волгоградского историка О. Ю. Редькиной, в которой приводятся многочисленные примеры организации сельскохозяйственных коммун на базе монастырей после революции [Редькина 2004]. Подробное исследование процесса постепенного закрытия Гусёвского Ахтырского монастыря принадлежит волгоградскому исторiku С. П. Синельникову [Синельников 1998].

В Саратовской области одной из первых публикаций по истории монастырей была работа А. Бреусова “Монастыри Саратовской епархии” [Бреусов 1998]. Исследования истории Балашовского Покровского монастыря публиковались А. П. Новиковым (в различных статьях) и Л. И. Кузевановым [Кузеванов 2014], последним — в контексте биографии последней настоятельницы обители.

Все исследования упомянутых авторов базируются на разрозненных источниках из региональных архивов Волгоградской, Ростовской и Саратовской областей, относящихся к фондам духовных консисторий, а также советских надзорных и репрессивных органов, поскольку архивы самих монастырей были уничтожены при их разорении в первые десятилетия после революции.

Усть-Медведицкий Спасо-Преображенский монастырь, основанный донскими казаками в XVII в., в XIX в. обрел новую жизнь под руководством игум. Арсения (А. М. Себряковой, 1833-1905). В монастыре были женские школы, иконописные и ремесленные мастерские, был построен великолепный Казанский храм.

Накануне революции в монастыре жили двести пятьдесят монахинь и послушниц. Игум. Арсения скончалась в 1905 г. во время паломничества в Саров [Елисей, Агеев 2016:65]. После нее настоятельницами монастыря были её ученицы: Леонида (Ладыгина) — в 1905-1911 гг., и Святослава (Веденина) — с 1911 г. до закрытия [Елисей, Агеев 2016:67]. В годы Гражданской войны обитель осталась нетронутой, несмотря на то, что станица Усть-Медведицкая несколько раз переходила из рук в руки. Монастырская школа закрылась, но состав сестер не только не уменьшился, но даже увеличился, после войны обитель насчитывала около трехсот насельниц. Многие женщины, потерявшие в годы войны свои семьи, искали в ней приюта. В июле 1919 г. станицу захватил отряд командарма Ф. К. Миронова (1872-1921), родственницы которого жили в монастыре, но красноармейцы ограничились лишь обыском. Через десять лет, на следствии

Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров (ОГПУ) монахини признались, что в начале 1920 г., после отступления Белой армии, прятали в монастыре раненых белых офицеров и переправляли их через Дон [Агеев 2019:94-95].

Источниками истории жизни Усть-Медведицкого Преображенского монастыря в 1920-е гг. стали как материалы следственного дела на сестер монастыря во главе с игум. Святославой (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14310 пф), так и документы из фондов Нижневолжского краевого отдела образования, относящиеся к деятельности детской колонии, размещавшейся в те годы в монастырских зданиях (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 144. Л. 34-49). Немаловажным подспорьем является архивное “Дело о закрытии двух церквей хут. Затонского Усть-Медведицкого района” 1929 г. (ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1881. Л. 11 а-22), обнаруженное в фонде Постоянной комиссии при Нижневолжском крайисполкоме по вопросам религиозных культов. Многочисленные подтверждения фактам, излагаемым в вышеуказанных источниках, находятся в фондах документов Усть-Медведицкого районного исполкома и Хопёрского окружного исполкома за 1928-1929 гг. (ГАВО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 376).

В ходе исследования истории закрытия Усть-Медведицкого Преображенского монастыря рассмотрен широкий круг документов местных, окружных и краевых органов советской власти, следственных материалов органов ОГПУ. При всей тенденциозности их авторов, большинство документальных свидетельств согласуется между собой. Особо значимое место в документах следственного дела занимают показания настоятельницы, монахинь и послушниц монастыря, проходивших по делу в качестве как обвиняемых, так и свидетельниц. Их дополняют рассказы урюпинских священников П. Протопопова и М. Зачиняева, а также члена церковного совета Пустовалова из станицы Усть-Медведицкой. В своей фактической основе показания не противоречат друг другу, а, следовательно, нет оснований сомневаться в их достоверности. Использование этих показаний для обвинения монахинь в “контрреволюционной деятельности” само по себе не ставит под сомнение их фактическую основу. Окраску, которую они приобретают в тексте, написанном следователем ОГПУ, ставившим перед собой вполне конкретную цель осуждения арестованных, как правило, всегда можно отделить от самих событий. Исходя из вышеизложенного, можно попытаться восстановить заключительный период истории Усть-Медведицкого монастыря в 1920-е гг.

Летом 1921 г., в разгар первого советского голода, советская власть изъяла у монастыря значительную часть монастырских домов (22 из 58, причем лучших). В них была размещена “детская колония” — приют для сирот, оставшихся без родителей. На базе монастырской школы была создана трудовая школа, в которой преподавали те же сестры из монастыря, других педагогических кадров в станице не было. В приюте поселили четыре сотни детей разных возрастов, которых старались воспитывать в новом, “коммунистическом” духе. Тем не менее, с материальным обеспечением в колонии дело обстояло очень плохо: питание было скуд-

ным, дети жили в грязи, из-за безделья среди старших распространились разврат и венерические болезни. Монахини не в состоянии были радикально повлиять на обстановку в колонии, но старались помочь детям чем могли: стирали и гладили одежду и белье, убирали помещения, ухаживали за больными, пекли для них хлеб, подкармливали их. Игуменья предупредила сестер, чтобы с детьми они вели себя “чинно и благородно”, и это указание монахини беспрекословно выполняли, хотя такое поведение впоследствии было поставлено им в вину (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 93). Начальник колонии коммунист Макевнин, женатый на племяннице игуменьи, вместе с местным агрономом Боевым помогал общине оформить документы для регистрации трудовой сельскохозяйственной артели [*Редькина* 2004:146]. Кроме возделывания земли, сестры много занимались рукоделием, изготавливали самое необходимое для быта в период послереволюционной разрухи: шили одеяла, постельное белье, торговали своими вышивками и другими изделиями. Доходов хватало не только на жизнь трехсот сестер, но и поддержание двух монастырских храмов — Преображенского и Казанского, которые сестры зарегистрировали на свой приходской совет — “двадцатку”. В апреле 1922 г. во время кампании по изъятию церковных ценностей монахини добровольно сдали для помощи голодающим около трех пудов серебра [*Агеев* 2019:168-169].

Это не помешало закрытию в марте 1923 г. монастырского подворья в станице Урюпинской, при котором были Богородицкий храм, хозяйство, фруктовый сад, и где жили монахини. Закрытие подворья сопровождалось всплеском недовольства урюпинских казаков, собрался стихийный митинг из сотни человек, которые двинулись к исполкому, протестуя против закрытия. С трудом властям удалось успокоить урюпинцев, призвав на помощь местное духовенство. Впоследствии организацию “беспорядков” тоже припомнят монахиням на следствии (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 64). В 1924 г. Макевнин был переведен из колонии в окружной отдел образования и переехал в Михайловку, начальником колонии был назначен некий коммунист Дерюжкин, который в короткий срок развалил и приютское хозяйство, и воспитание детей. В 1927 г. была назначена комиссия из губернских отделов образования и здравоохранения, которая установила много удручающих фактов: антисанитарию, аварийное состояние зданий, половую распущенность, незанятость и невоспитанность подростков, неоднократные аборты у девушек. Партийные власти постарались связать развал работы в детской колонии с соседством женского монастыря. Попытки подкормить сирот, позаботиться о них, сказать им доброе слово были поставлены монахиням в вину, а их влияние было определено как “разлагающее”. В документах комиссии приводятся цифры численности колонии и женской обители. В двадцати двух бывших монастырских домах жили 320 детей и подростков в возрасте от 7 до 18 лет. Сестры обители — 270 монахинь и послушниц жили в тридцати четырех домах. Между колонией и монастырем не было не только ограждений, но даже границ участков. По итогам доклада комиссии было рекомендовано выселить монахинь из домов, где они жили, и передать их

дома детской колонии, но эта рекомендация не была проведена в жизнь властями Усть-Медведицкого округа. Только через год, после административной реформы, когда Усть-Медведицкий округ был ликвидирован, и создан Усть-Медведицкий район, подчинявшийся окружным властям Хоперского округа в Урюпинске, было принято решение о закрытии монастыря. В июле 1928 г. местные районные власти потребовали у монахинь оплатить арендную плату за монастырские строения, в которых они жили, начиная с 1918 г. — с даты принятия декрета о национализации церковного имущества. В окружной газете “Красный Хопер” была напечатана статья, обвиняющая монахинь в неисполнении декрета об отделении Церкви от государства. Анонимный автор статьи называл сестер “тунеядцы за счет лжи, обмана, суеверий”, он писал: “60 домов занимают монашки, не платя квартплаты” (*Красный Хопер*, 25 июля 1928 г., с. 2). Огромная по тем временам сумма — 25 тысяч рублей, была неподъемной для монахинь, и община приняла тяжелое решение оставить монастырь. Сестры покинули родную обитель в праздник Успения Богородицы, 28 августа 1928 г. (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 165). Многие разъехались по родным станицам и хуторам, некоторые поселились поблизости — в станице Усть-Медведицкой и хуторе Затонском. Оба монастырских храма не были закрыты, в них совершались богослужения, монахини составляли их “двадцатки”. В ноябре группа монахинь обратилась в райисполком с просьбой сдать им в аренду несколько неиспользуемых домов, но власти отказали в этой просьбе (ГАВО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 376. Л. 165). В начале декабря были арестованы двадцать бывших насельниц монастыря во главе с игум. Святославой. Настоятельнице было уже 70 лет, и она была оставлена под домашним арестом (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 1-6). Монахиням был предъявлен большой набор обвинений в “контрреволюционной деятельности”: несогласие с советским законодательством о религии — декретом об отделении Церкви от государства, пособничество белогвардейцам во время Гражданской войны, организация массовых протестов населения против закрытия церкви в станице Урюпинской, разговоры о скором падении советской власти, религиозное воспитание детей из колонии, недовольство советским налогообложением, агитация против советских займов, подготовка к противодействию закрытию монастыря, угрозы в адрес законопослушных граждан и даже — подготовка акций против советской власти и призывы к ее вооруженному свержению (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 161-169). Обвинений хватило бы для расстрела всех арестованных, но монахини полностью отрицали свою вину, а также достоверность показаний свидетелей, да и выглядели обвинения против пожилых женщин смехотворно. Местные органы ОГПУ характеризовали подследственных как “чуждый элемент советской власти и социально-опасный элемент” и отправили дело в Москву. Особое совещание при Коллегии ОГПУ 10 мая 1929 г. приговорило монахинь к трехлетней ссылке в соседнюю Воронежскую область, но чуть позже спохватилось и отправило их дальше — в Шигонский район Самарской области (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 177).

Там большинство престарелых сестер и окончили свои дни [Агеев 2019:177-180].

Тем не менее, даже на этом незаконном советском судилище было бы неверно оканчивать историю Усть-Медведицкой женской монашеской общины. Известно, что после окончания Великой Отечественной войны, в конце 1940-х гг. в г. Серафимовиче (как стала в 1930-х называться станция Усть-Медведицкая в честь пролетарского писателя) вокруг Воскресенского храма была община из пятидесяти бывших сестер монастыря. Они активно добивались открытия обители, получили поддержку архиепископа Астраханского и Сталинградского Филиппа (Ставицкого), но не добились успеха. Все их обращения в местные и центральные органы Совета по делам Русской Православной Церкви были отклонены. Вплоть до 1990-х гг. в различных населенных пунктах Волгоградской и Ростовской областей жили небольшие группы монахинь, усердно участвующие в богослужениях в открытых церквях и молитвенных домах, выполняющие различные церковные послушания, посещающие для молитвы дома прихожан, занимающиеся рукоделием и выполняющие несложные работы для соседей [Елисей, Агеев 2016:95-97].

Характерен пример жизнеописания одной из особо почитаемых в возродившемся монастыре подвижниц XX в. — монахини Раисы (Кривошлыковой, 1884-1957). Получив в детстве небольшое увечье, Елена Кривошлыкова была рада поступить в Усть-Медведицкую общину, где исцелилась и нашла свою новую семью. Она исполняла много послушаний, приняла постриг в 1920 г. и в 1928 г. была вынуждена вместе со всеми оставить родную обитель. Она отправилась на родину — в хутор Кривской (сейчас в Шолоховском районе Ростовской области), где стала старостой местной Николаевской церкви. Много сил она посвящала уходу за больными, в том числе за парализованными, которые часто выздоравливали от ее заботливых рук, чуткого сердца и постоянной молитвы. В голодные годы многим землякам она помогла выжить — собирала продукты, которые ей приносили в благодарность за помощь, и раздавала голодающим. В 1935 г. она была арестована по доносу местного районного фельдшера и осуждена “за незаконную врачебную деятельность”. Как опасный преступник, больше года она провела в Таганской тюрьме в Москве, осуждена на семь лет лагерей, срок отбыла в Карагандинских лагерях. После заключения она была сослана в город Ачинск Красноярского края, где во время войны приняла усердное участие в открытии местной Казанской церкви. После войны, следом за игум. Феодосием (Борисовым), она переехала в Кемерово, где также трудилась в открытой церкви. Она помогала множеству людей: больным, скорбящим, ссыльным, эвакуированным, вдовам и сиротам; жила у разных людей, многие стремились пригласить ее к себе, исполняла самые разные работы в различных организациях, на заводах, в колхозах. Игум. Феодосий был арестован в Кемерово в 1949 г., монахиня Раиса около года скрывалась у разных людей, устраивала тайные молитвенные собрания, затем была арестована и она. В 1952 г. она была выпущена из тюрьмы и вернулась из Кемерово в г. Серафимович. Однако, следствие не было закончено, органы Министерства государственной безопасности

арестовали ее в январе 1953 г. и этапировали в Кемерово. После следствия, сопровождавшегося жестокими побоями, изнуряющими допросами и заключениями в ледяном карцере, она была приговорена к двадцати пяти годам заключения “за организацию подпольного монастыря”. Целый год тяжело больная монахиня провела в Дубровском лагере в Мордовии, но в 1954 г. была освобождена. Шестидесятилетняя монахиня снова стала скитаться по добрым людям, жила на теплой, гостеприимной Украине, но умирать вернулась к родственникам в Серафимовичский район. После ее кончины в 1957 г. она была похоронена на местном кладбище, куда постоянно шли люди молиться на ее могиле. В 2017 г. монахиня Раиса вместе с несколькими другими сестрами была перезахоронена в родном монастыре [Елисей, Агеев 2016:97-101].

Другим ярким примером организации процветающей женской монашеской общины может служить Покровский монастырь в г. Балашове Саратовской епархии. Он возник в 1850 г. как богадельня для женщин, которую создал местный купец Иларион Иванов. При богадельне была построена церковь и собралась женская община. Последовали долгие хлопоты по ее утверждению через Св. Синод, в конце концов, в 1870 г. монастырь был официально открыт на щедрое пожертвования балашовских купцов-хлеботорговцев. Его игуменьей была назначена Мария (Мандрыка), внучка генерала, участника Отечественной войны 1812 г. Она окончила Родионовский институт благородных девиц в Казани, где научилась живописи, удалась в Свяжский монастырь (где жила её тетка), а затем в Казанском Богородицком монастыре около двадцати лет заведовала живописной мастерской. Под ее руководством учились и трудились множество сестер-художниц, создававших иконы, целые иконостасы и эскизы для вышивок. Мастерская стала известна на всю страну, монахиню Марию хорошо знал будущий митрополит Антоний (Вадковский), иконы ее работы подносились императору. Еп. Павел (Вицинский), викарий Казанской епархии, будучи назначенным на Саратовскую кафедру, уговорил монахиню Марию возглавить только что утвержденный монастырь в богатом торговом городе, видя в нем и его новой настоятельнице большой потенциал для развития женской общины. И еп. Павел не ошибся: игум. Мария открыла живописную школу, множество различных ремесленных мастерских, приют для девочек, создала обширное подсобное хозяйство для обеспечения общины, даже мукомольное производство. У Покровского монастыря были подворья в Санкт-Петербурге, Царицыне, в Донской области и Астраханской губернии. Общее число сестер достигало трехсот. Авторитет игуменьи был очень высок, к ней приезжали архиереи, губернаторы, высокопоставленные столичные чиновники. Еп. Павел, удалившись на покой, провел последние годы жизни в Покровском монастыре. Великолепные богослужения привлекали множество паломников [Кузеванов 2014].

Монастырь значительно пострадал в 1918 г. во время Гражданской войны, после установления советской власти монастырское хозяйство было национализировано и разграблено. В части строений также был размещен детский приют, который, как следует из результатов проверки,

“превратился в развратное убежище, дети ходили оборванные, в кладовой были навалены кучи грязного белья, никаких мер к улучшению питания воспитанников не принималось. Из-за нехватки кроватей большинство воспитанников спали прямо на полу” (Балашовский филиал Государственного архива Саратовской области. Ф. 51. Оп. 1. Л. 95). Игум. Мария собрала оставшихся сестер, подала документы для регистрации ремесленной коммуны, в списках которой было представлено множество профессий (Балашовский филиал Государственного архива Саратовской области. Ф. 51. Оп. 1. Д. 148. Л. 14-19). В отличие от Усть-Медведицкой, балашовские коммунисты не допустили существования “очага мракобесия”. В 1923 г. игум. Мария скончалась, а сестры рассеялись по окрестным селам и уездам. Оставшиеся в городе были репрессированы в 1930-х гг. вместе с еп. Иаковом (Максаевым), отправлены в лагеря и ссылки, многие из них позже были расстреляны во время “большого террора” [Кузеванов 2014].

Несколько похожа, только в меньших масштабах, история Ахтырского женского монастыря в селе Гусёвке на самом севере Царицынского уезда Саратовской епархии. Женская община, собравшаяся в 1860-х гг. в г. Камышине под руководством священника Иоанна Левитского, приобрела усадьбу в отдаленном селе, построила для себя храм. Долгое время финансовые трудности не позволяли добиться утверждения монастыря через Св. Синод. Сестры, собирая подаяние по всей России, встретились в Оптиной пустыни с преподобным старцем Амвросием (Гренковым) (1812-1891). Он направил в монастырь одну из своих почитательниц, Елизавету Николаевну Годейн, состоятельную дочь генерала из рода Багратионов. Е. Н. Годейн, не принимая монашеского пострига, чтобы сохранить за собой права на распоряжение имуществом, решила финансовые проблемы общины, в результате чего в 1905 г. последовало утверждение ее в статусе. Управляя обителью вместе с настоятельницей игум. Ниной (Труновой), женщины завели крепкое хозяйство, привлекая множество женщин из окрестных сел [Елисей, Агеев 2016:191-200]. Подробное исследование процесса закрытия монастыря принадлежит волгоградскому историку С. П. Синельникову [Синельников 1998]. Национализация монастырского имущества проходила постепенно в 1922-1924 гг. Первоначально сестрам монастыря оставили четыре жилых дома, два служебных помещения, баню и плуг. При этом монастырские земельные участки отошли опытно-мелиоративной станции и местному земельному обществу. Попытка организации на основе крепкого монашеского хозяйства опытно-мелиоративной станции провалилась, оставшееся без присмотра имущество расхищалось, строения разбирались на дрова местными жителями. В 1923 г. в монастырских зданиях разместили клуб комсомола и “народный дом”. В 1925 г. сестры сделали попытку официально оформить в аренду у сельсовета оставшиеся дома, но получили отказ. В отнятых монастырских зданиях была открыта Школа крестьянской молодежи. Сестры писали жалобы в разные инстанции, в том числе председателю Совнаркома А. И. Рыкову, отстаивая свое право на существование в качестве сельскохозяйственной трудовой артели. В конце 1925 г. в общине оставались жить двадцать четыре трудоспособных и двадцать девять нетрудоспособ-

ных женщин. Гусёвский сельсовет отказывал монахиням в их просьбах, и в феврале 1926 г. сестры были выселены из своей обители милицией. Некоторые монахини остались жить на частных квартирах в Гусёвке, организовав приходской совет монастырской церкви и подписав с сельсоветом договор на пользование ею. Но в июне 1929 г. договор был расторгнут в связи с тем, что монахини не смогли сделать ремонт в церкви и “превратили ее в ночлежку”, и храм был закрыт. Храм был разрушен, монастырские здания использовались школой и библиотекой, а оставшиеся в родных местах монахини были арестованы и высланы в 1933 г. [Синельников 1998].

Из кратких описаний послереволюционных судеб трёх женских монастырей можно сделать вывод, что их закрытие было не одномоментным, а растянувшимся на годы процессом. Можно предположить, что местные органы советской власти не воспринимали монашеские общины как нечто чуждое, но относились к сестрам как к части населения. Конечно, нельзя отрицать и известный авторитет, которым пользовались монахини среди местных жителей. Именно эти два фактора, скорее всего и уберегли описываемые общины от насильственной ликвидации в годы Гражданской войны и первое послевоенное время. В то же время, стремление отдельных представителей местных властей использовать монастырское имущество “на общественные нужды” поддерживалось вышестоящими властями и общим направлением политики советского государства. Тем не менее, попытки организации на основе хозяйственных комплексов женских монастырей образцовых хозяйств своими силами оканчивались провалом. Одновременно, советская власть не могла позволить монахиням организацию собственных сельскохозяйственных или ремесленных артелей по идеологическим соображениям. Раньше или позже, существование женских общин на прежних местах оканчивалось их принудительным выселением. От начала национализации до полного закрытия монастырей, иногда проходили годы постепенного ущемления прав общин со стороны властей, борьбы за свои права и лишений со стороны женских общин.

Можно предположить, что форма организации женских общин как в религиозном, так и в хозяйственном отношении на момент революции была достаточно успешной, устойчивой и востребованной, их разрушение и закрытие происходило под внешним воздействием властей, в том числе насильственным. В связи с этим интересно было бы исследовать саму борьбу женских монашеских общин за право существования в 1920-е гг. на основе их обращений в различные органы советской власти.

Литература

1. Ageev 2019 — Ageev, E., свящ. (2019). *Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный период (1917–1930)*. М.
2. Ageev 2014 — Ageev, E., свящ. (2014). Из истории гонений на Церковь в XX веке: закрытие Усть-Медведицкого женского монастыря (по документам советской власти, 1927–1929 гг.). *Вестник Тульского государственного университета, серия Теология*, 1, 113–118.
3. Ageev 2015 — Ageev, E., свящ. (2015). Социальная деятельность женских монастырей на материале Саратовской и Донской епархий в XIX — первой трети XX века. *Вестник Тульского государственного университета, серия Теология*, 1, 249–254.
4. Арсения 2019 — Арсения (Себрякова), прп. Игум. (2019). *Путь немечтательного делания: жизнеописание, труды и письма*. М.
5. Бреусов 1998 — Бреусов, А. (1998). Монастыри Саратовской епархии. *Волга*, 11–12.
6. Елисей, Ageev 2016 — Елисей (Фомкин), еп., Ageev E., свящ. (2016). *Святые обители: Монастыри Урюпинской епархии*. Набережные Челны.
7. Елисей 2008 — Елисей (Фомкин) (2008). *Святые обители (Монастыри Волгоградской епархии)*. Набережные Челны.
8. Кириллов 1909 — Кириллов, А. (1909). Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XX века. *Донская церковная старина*, 3. Новочеркасск.
9. Кузеванов 2014 — Кузеванов, Л. И. (2014). *Настоятельница Балашовского Покровского женского монастыря игуменья Мария (1841–1920)*. М.
10. Синельников 1998 — Синельников, С. П. (1998). Ахтырской Божией Матери Гусевский женский монастырь. *Волга*, 11–12, 35–38.
11. Соловьев 1912 — Соловьев, М., свящ. (1912). *Елизавета Николаевна Годейн. Инокня Гусевского Ахтырского женского монастыря Камышинского уезда Саратовской губернии*. Камышин. [переизд.: Урюпинск, 2017].
12. Редькина 2004 — Редькина, О. Ю. (2004). *Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–м — 1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР*. Волгоград.
13. Загоруйко 1998 — *Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сборник документов (1998)*. Под. ред. М. М. Загоруйко. Волгоград.

References

1. Ageev 2019 — Ageev, E. (2019). *The Orthodox Church on the Middle Don in the Conciliar and post-Conciliar period (1917–1930)*. M. (In Russ.)
2. Ageev 2014 — Ageev, E. (2014). From the history of the Persecution of the Church in the twentieth century: the closure of the Ust-Medveditsky Convent (according to documents of the Soviet government, 1927–1929). *Bulletin of Tula State University, Theology series*, 1, 113–118. (In Russ.)
3. Ageev 2015 — Ageev, E. (2015). Social activity of women's monasteries on the material of the Saratov and Don dioceses in the XIX — first third of the XX century. *Bulletin of Tula State University, Theology series*, 1, 249–254. (In Russ.)
4. Arseniya 2019 — Arseniya (Sebryakova), Rev. Igum. (2019). *The way of non-reflective doing: biography, works and letters*. M. (In Russ.)
5. Breusov 1998 — Breusov, A. (1998). Monasteries of the Saratov diocese. *Volga*, 11–12. (In Russ.)
6. Elisha, Ageev 2016 — Elisha (Fomkin), ep., Ageev E. (2016). *Holy monasteries: Monasteries of the Uryupinsk diocese*. Naberezhnye Chelny. (In Russ.)
7. Elisha 2008 — Elisha (Fomkin) (2008). *Holy monasteries (Monasteries of the Volgograd diocese)*. Naberezhnye Chelny. (In Russ.)
8. Kirillov 1909 — Kirillov, A. (1909). Chapels, churches and monasteries on the Don from the beginning of their appearance to the end of the twentieth century. *Don church antiquity*, 3. Novocherkassk. (In Russ.)
9. Kuzevanov 2014 — Kuzevanov, L. I. (2014). *Abbess of the Balashovsky Pokrovsky Convent Abbess Maria (1841–1920)*. M. (In Russ.)
10. Sinelnikov 1998 — Sinelnikov, S. P. (1998). Akhtyrsky Mother of God Gusevsky Convent. *Volga*, 11–12, 35–38. (In Russ.)
11. Solovyov 1912 — Solovyov, M. (1912). *Elizaveta Nikolaevna Godein. The nun of the Gusevsky Akhtyrsky convent of the Kamyshinsky district of the Saratov province*. Kamyshin. [reprint: Uryupinsk, 2017]. (In Russ.)
12. Redkina 2004 — Redkina, O. Yu. (2004). *Agricultural religious labor collectives in the 1917s — 1930s: based on the materials of the European part of the RSFSR*. Volgograd. (In Russ.)
13. Zagorulko 1998 — *Religious organizations of the Lower Volga and Don in the twentieth century: a collection of documents (1998)*. Edited by M. M. Zagorulko. Volgograd. (In Russ.)